

Г. Ф. Быконя
**АНДРЕЙ ДУБЕНСКИЙ
ОСНОВАТЕЛЬ КРАСНОЯРСКА**

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

Г. Ф. Быконя

**АНДРЕЙ ДУБЕНСКИЙ –
ОСНОВАТЕЛЬ КРАСНОЯРСКА**

Г. Ф. Быконя

**ОТ МУЖИЦКИХ РЫЦАРЕЙ
К СЛУГАМ ГОСУДАРЕВЫМ
(XVII – начало XX века)**

Г. Ф. Быконя

**ЕНИСЕЙСКАЯ ВЛАСТЬ:
от первого воеводы до первого
губернатора Енисейской губернии**

В. И. Федорова

**ЕНИСЕЙСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО
В ЖИЗНИ И ТРУДЕ
(вторая половина XIX –
начало XX века)**

Г. Ф. Быконя, В.И. Федорова

**НАРОДНАЯ ШКОЛА
В ПРИЕНИСЕЙСКОМ КРАЕ
(XVII – начало XX века)**

БИБЛИОТЕКА
ЮНОГО КРАСНОЯРСКОГО КРАЕВЕДА

Г. Ф. Быконя

**АНДРЕЙ ДУБЕНСКИЙ
ОСНОВАТЕЛЬ
КРАСНОЯРСКА**

ББК 63.3(2) Руководитель проекта, макет
Б95 Ю. А. Кирюшин

Редакционный совет серии:

Е.В. Артемьев, кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой гуманитарного образования КИПК РО,

В.В. Бибилова, советник губернатора Красноярского края по науке и образованию,

Г.Ф. Быконя, доктор исторических наук, профессор КГПУ им. В.П. Астафьева,

В.И. Федорова, доктор исторических наук, профессор КГПУ им. В.П. Астафьева

При подготовке книги использованы материалы из архивов и фондов Российского государственного архива древних актов (РГАДА); Российского государственного исторического архива (РГИА); Государственного архива Красноярского края (ГАКК); Красноярского краевого краеведческого музея (КККМ) Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края; издательства «Растр»; личных архивов Г.Ф. Быкони.

Благодарим полиграфический комплекс «Знак» за софинансирование издания «Библиотеки юного красноярского краеведа»

Допечатная подготовка издательства «РАСТР»

Верстка — **С.И. Артемьев**

Корректор **О.В. Разумова**

Быконя, Г.Ф.

Б95 Андрей Дубенский — основатель Красноярска / Г.Ф. Быконя. — Красноярск : Растр, 2013. — 64 с. — (Библиотека юного красноярского краеведа / ред. совет серии: Артемьев Е. В., Бибилова В. В., Быконя Г. Ф., Федорова В. И. ; вып. 1). ISBN 978-5-901926-09-3

В этом выпуске представлена история основателя самого крупного в Восточной Сибири современного города Красноярска — Андрея Ануфриевича Дубенского. Из нее видно, что сибирская история неразрывно связана со всеми крупными событиями, происходившими в нашей стране в традиционную эпоху. Интересно, что предок основателя был родом из посадских людей Старой Руссы — пригорода Новгорода. Юрий Репехов, благодаря своей энергии, предприимчивости и гибкому использованию сословных правил, смог обеспечить своим сыновьям потомственное дворянство.

ББК 63.3(2)

ВВЕДЕНИЕ

История — это прежде всего история людей. В советской исторической науке все многообразие жизни зачастую сводилось к проявлению объективных, не зависящих от воли людей, законов и закономерностей. В настоящее время возобладал комплексный подход к человеку, и история срачивается с естественными и точными науками, особенно с физиологией, биологией, экологией, эргономикой и математикой, формируясь в антропологию. С другой стороны, активно развиваются история повседневности, гендерная (женская) история, культурология, а также различные вспомогательные исторические дисциплины, в частности генеалогия.

В наш компьютерно-информационный век люди хотят видеть прошлое своей страны, малой своей Родины во всем многообразии, в красках, образах, проникнуть во внутренний мир человека прошлого, понять слагаемые успеха или неудач на его жизненном пути, роль наследственности, стартовых условий, внешних обстоятельств и случайности. Все популярнее становятся во всем мире исторические реконструкции сражений и средневековой деревенской жизни.

Не просто здоровое любопытство движет нами. Повторяемость исторических процессов дает определенные основания лучше понять настоящее и точнее спрогнозировать будущее. Недаром великие умы считали, что нет ничего практичнее, чем добротная

ISBN 978-5-901926-09-3

© Быконя Г.Ф., текст, 2013
© Издательство «РАСТР», 2013

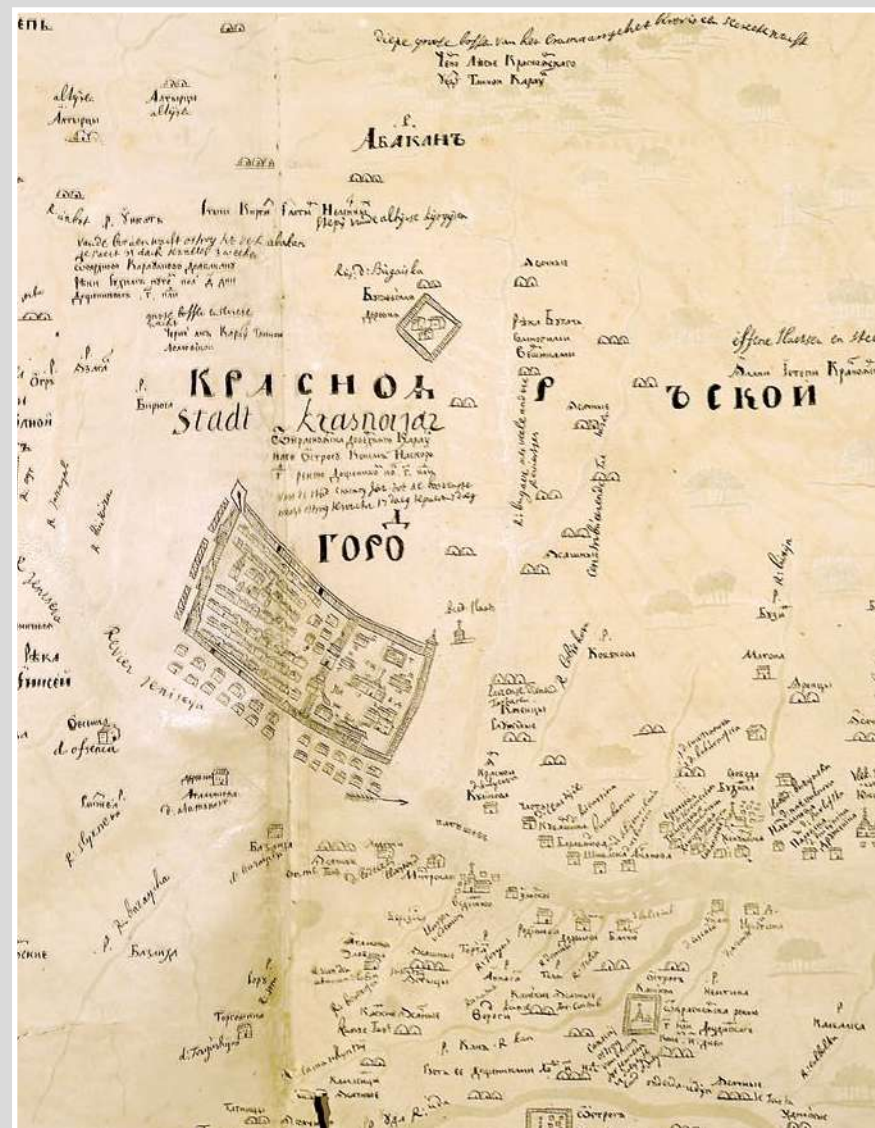
теория, и хотя история никого не учит, но жестоко наказывает тех, кто не считается с ее законами.

У молодого поколения есть свой дополнительный мотив знать историю своей страны, своей малой Родины, особенно древней и средневековой. Изучать ее трудно и сложно — мало сохранилось вещественных артефактов и письменных источников. Однако это-то и привлекает новизной, будит и развивает способности и ум, повышает самооценку, участвует в формировании гражданственности и интеллекта, в конечном счете помогает лучше определиться в будущей профессии.

Перед вами история Андрея Ануфриевича Дубенского, который родился 425 лет назад в 1588 году. Вы узнаете, почему, несмотря на сословные местные ограничения, по которым важные ответственные службы давались не по деловым качествам, а по знатности, этот 40-летний дворянин в низшем у них разряде «сын боярский» стал основателем важной сибирской крепости-ostroга, как его вероятному предку Юрию Репехову, солевару и землевладельцу из пригорода Новгорода — Старой Руссы, политическому противнику самого государя всея Руси Ивана III, удалось обеспечить дворянское будущее своим потомкам, как хорошее владение грамотой и природный ум породнились со знатностью и оказался даже выше ее. Как солнце отражается в капле воды, так в истории основателя нашего города и его рода отразились многие важные стороны жизни России XV–XVII веков.

Глава 1

ПРОИСХОЖДЕНИЕ АНДРЕЯ ДУБЕНСКОГО

Начало рода Дубенских

Выявить родословную Андрея А(О)нуфриевича Дубенского (говорить следует Дубенской) оказалось очень сложно. Ни книг, ни даже статей о нем не было, что, конечно, несправедливо по отношению к основателю самого крупного в Восточной Сибири города с миллионным населением. Дореволюционные и советские авторы от Г.Ф. Миллера до С.В. Бахрушина в лучшем случае писали об обстоятельствах строительства Красноярского острога. О происхождении же его «городчика» упоминалось мельком и царила полная разногласия: А. Дубенский — «приказной человек» (Н.Н. Оглоблин), «дворянин»-порученец при енисейском воеводе Я.И. Хрипунове (С.В. Бахрушин), «сын боярский» (В.А. Александров), наконец, в краеведческой литературе безапелляционно утверждали, что он «московский дворянин», коль скоро прибыл из столицы с енисейским воеводой Я.И. Хрипуновым. О предках Андрея Ануфриевича вообще не писалось. Польские авторы и отдельные отечественные историки (Б.П. Полевой) вообще считают Дубенского и Хрипунова выходцами из Польши, прямо называя Андрея Анджеем.

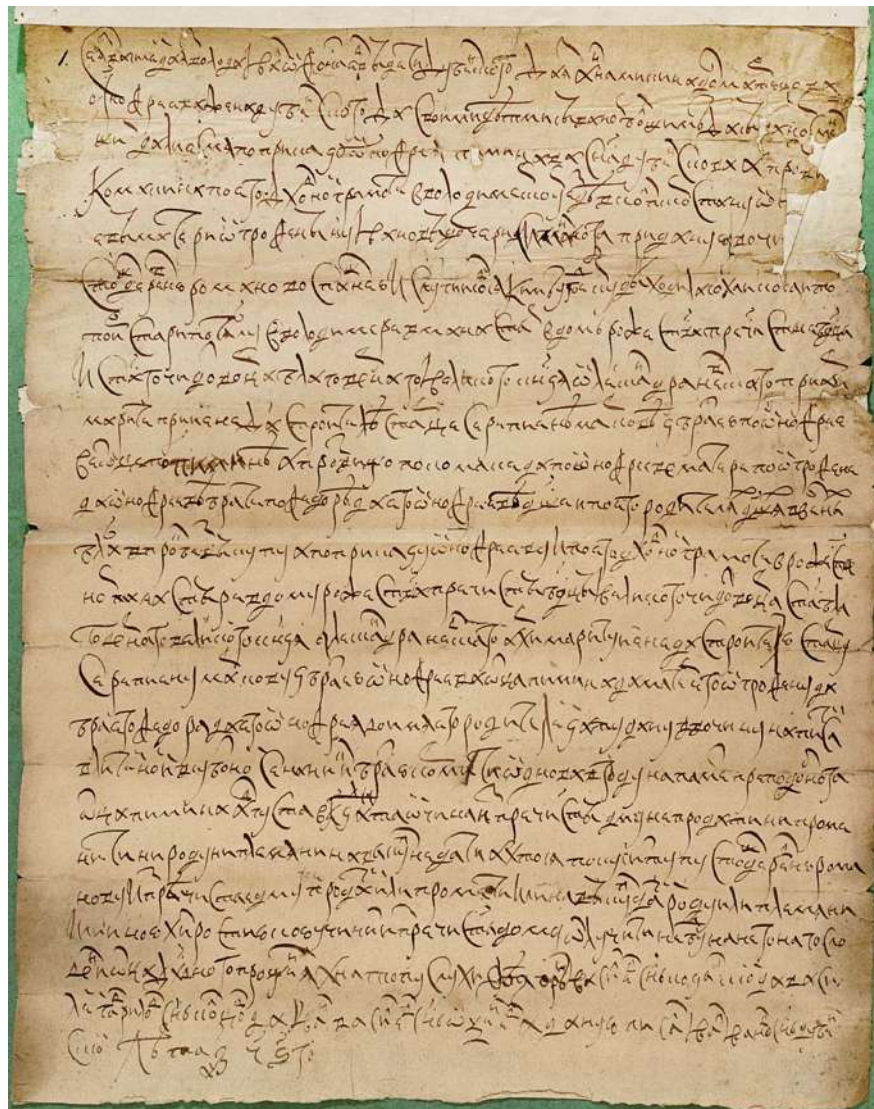
У автора этих строк на выявление родословной ушло уже более 40 лет, а поиск еще продолжается, хотя небольшая книжка об

Андрее Дубенском вышла еще в 1998 году, а спустя 10 лет она переиздана в основательно дополненном и переработанном виде. Удалось выявить до 10 родословий Дубенских; установить, что было минимум три их рода, которых историки неоправданно объединяли в один; что основатель Красноярска относился к владимирской, а не московской, ветви и не был польского происхождения. Однако ничего не нашлось о его деде Пимене и отце Ануфрии. Не ясно, где и какие Дубенские породнились с Хрипуновыми и был ли общий прародитель у всех Дубенских, и если да, то кто он.

Причин столь длительного поиска несколько. Виноваты, в первую очередь, крайняя скудость источников при разветвленности и многочисленности Дубенских. В Государственном историческом архиве, находящемся Санкт-Петербурге, сохранилось 10, правда, во много повторяющихся, родословных Дубенских из губерний: Владимирской (2), Московской (3), Пензенской с Саратовской, Рязанской, Тульской, Смоленской и Таврической. Всего по литературе и источникам на конец XVII века было до тысячи дворян Дубенских, которые служили или имели населенные земли в большинстве уездов России. Сказывалась и отдаленность эпохи — след возможных предков приводил в XIV–XV века. Сложно было устанавливать последовательность поколений из-за бедности состава имен и отсутствия отчеств. Ведь из каждых ста имен 80 процентов были одинаковыми, а имена родителей начали указывать в массовом порядке только в переписях XVII–XVIII веков. Исследовательский поиск естественно затягивался и из-за удаленности центральных архивов и библиотек. В условиях перестроечного времени были и другие обстоятельства, мешавшие полному решению этой задачи.

В постперестроечные годы условия для работы несколько улучшились. Архивы, в частности, стали публиковать и переиздавать целые комплекты документов феодального времени, например, писцовые книги Новгородской земли, материалы Поместного приказа, грамоты Коллегии экономии и т.д. Появились новые специальные журналы по источниковедению и генеалогии, статьи и исследования по истории российского дворянства. Интернет тоже оказался полезен.

1587/88 г. — «Данная Василия и Ивана, Волода Афанасьевых детей Дубенского и Анны Никитиной дочери Мартюшова, вдовы Онуфрия Пиминова сына Дубенского, с детьми Иваном Большим и Иваном Меньшим архимандриту Рождественского монастыря Ионе с братьею на д. Романову в Колтском стане Владимирского уезда»

Для данной темы крайне важными оказались сравнительно недавняя статья столичного историка-архивиста С. Н. Кистерева о времени появления первой полной холопшей грамоты, принадлежащей Ивану Михайловичу Дубенском и публикация историком «данной» 1587/88 года о передаче по завещанию Ануфрия Дубенского его братьями и вдовой с сыновьями пустоши Романовой Владимирскому Рождественскому монастырю.

Ученого заинтересовали найденные им документы только в связи с датировкой и достоверностью холопшей грамоты, а нам важно, что в них идет речь о родителях и ближнем круге родственников Андрея Ануфриевича Дубенского. Еще раз подтвердился мой вывод, что основатель Красноярска не был выходцем из Польши и не назывался Анджеем Дубенским. Он как минимум в третьем поколении — потомственный дворянин Владимирского уезда. Жены его деда Пимена и отца О(А)нуфрия — Аграфена Ивановна Симанова и Анна Никитична (Микина дочь) Мартюшева — были дочерьми соседних владимирских дворян. Это прямо сказано в «данной» — дарственной на запустелую деревню Романову в Колтском стане Владимирского уезда. Ее в свое время в качестве приданого принесла Аграфена Ивановна своему мужу Пимену, «по прозвищу Комак». Было это явно до опричнины 1565–1572 годов, и деревня еще не запустела. Сын же О(А)нуфрий в помин души родителей, своей и брата Федора завещал эту землю «в монастырь в дом Рождества Пречистые Богородицы святого чудотворца благовернаго и великого князя Олександра Невскаго... с пашнею, с луг (ам. — Г.Б.) и со всяким угодьем, куда ходила соха и топор истари по тяглу». Вотчинная земля отдавалась «впрок без выкупу» родственниками. Поэтому с этим дарением за помин души должны были согласиться все прямые и потенциальные наследники — три двоюродных брата (кузены) завещателя — Василий, Владимир и Иван О(А)фонасьевичи и его «вдова Анна... а прозвище Комакина... со своими детьми Иваном Большим да с Иваном Меньшим». Андрей не назван, поскольку мать была им беременна и еще не могла из-за раннего срока определить пол ребенка. За «ту вотчину» монастырских старцев обязывали поминаемых Дубенских

Реконструкция облика Федора Иоанновича (1584–1598).
М. Герасимов, 1963 г.

Царь Василий Иванович Шуйский (1606–1610)

Борис Годунов (1598–1605)

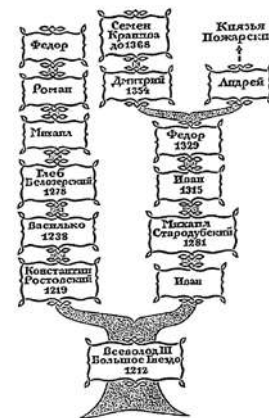
«написати в литейный и субботный сена-ник (поминальники. — Г.Б.), и братью кор-мити одна в году на память преподобно-го отца Пимина (св. Пимен жил в III веке на Ближнем Востоке. — Г.Б.) августа в 26 день».

Так феодальная практика наследования дала счастливую возможность определить и время рождения Андрея, и что он был третьим, последним сыном в семье, которому не суждено было увидеть отца, и даже установить его фамильное прозвище «комак».

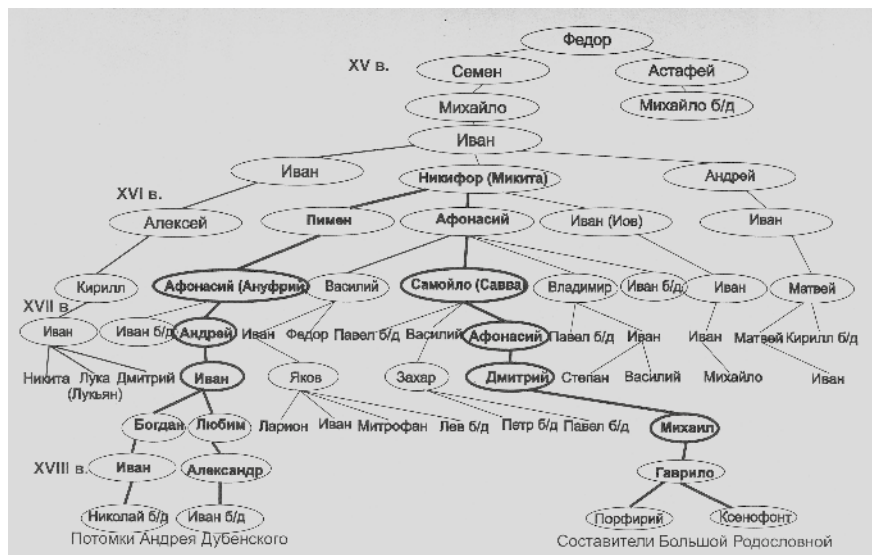
Судя по времени данной, дед, отец и дядя Андрея не погибли в годы опрични-ны — с поминовением душ вряд ли могли тянуть 15 лет. Братья Ануфрий и Федор стали, по всей видимости, жертвами политической борьбы позже. Связанные службой и родственными узами с бывши-ми князьями Хрипуновыми и князьями Ряполовскими, сторонниками по литов-ской линии принцев крови Шуйских, они участвовали с 1584 года в борьбе за власть опекунов болезненного царя Федора Ио-анновича, в частности, между Шуйскими и Борисом Годуновым, и погибли осенью 1586-го — середине 1587 года во время кро-вавой расправы Годунова со сторонниками Петра Ивановича Шуйского. В пользу этого предположения говорит тот факт, что их дед Пимен являлся сыном Никифора, кото-рый был, в свою очередь, связан с князьями Кривоборскими-Ряполовскими-Стародуб-скими. Прадедом основателя Красноярска Никифор показан в Большой родословной

Дубенских 1788 года, которую составили троюродные братья — отставные гвар-дии прапорщик Григорий Львович и пре-мьер-майоры Порфирий и Ксенофонт Гавриловичи Дубенские для Департамента герольдии Сената с целью получить дво-рянский герб. Состоящая из 140 лиц, эта родословная выглядела, несмотря на де-сятки неточностей, в целом достоверной. В ней названы все лица по данной, кроме дяди Андрея Федора, да его отец ошибочно указан Афонасием. Ее в основном принял и С.Н. Кистерев, хотя безосновательно по-считал Никифора не связанным с Пиме-ном Дубенским, дедом Андрея.

По времени впервые в источниках Н(М)икифор с братьями Иваном и Анд-реем упоминается в составленном до 2 декабря 1513 года завещании князя Ивана Ивановича Кривоборского из рода Ряполовских-Стародубских среди ближ-него его окружения. Князь, в частности, велел: «...а Ивану Дубенскому, да брату его Микифору, да брату ж их Андрею (пусть. — Г.Б.) дадут по ковшику по серебряно-му, по питьевому». Каков был их статус? Вряд ли Никифор с братьями являлись «людьми дворскими» — дворянами князей Кривоборских, и от них Никифор полу-чил небольшую вотчину, то есть они, по терминологии историков, были вассала-ми — арьерфеодалами (субфеодалами). Княжество Стародубское, по мнению исто-рика В.А. Кучкина, в XV веке уже потеряло свою независимость, а значительная часть

Родословная князей Стародубских-Ряполовских, от которых пошли Пожарские, Хрипуновы, Прозоровские, Гагарины

Первая реконструкция родословной рода Андрея Дубенского

многочисленных его князей стала к XVI веку средними и даже мелкими вотчинниками с утратой статуса князей и даже бояр, как например, Хрипуновы. Не были они и «задворными людьми-послужильцами», то есть военными слугами, которых князь в завещании упоминал отдельно. Сравнительно скромный дар наводит на мысль, что братья были малолетними и относились скорее всего к отдаленным родственникам по боковой линии или ближнему кругу лиц старинной русской знати. Какой-то Никифор, скорее всего наш, в 1525 и 1547 годах принимал скромное участие в свадебных церемониях Василия III и Ивана IV: стоял в «цветном платье» в рядах охраны во внутреннем дворе и у Фроловских ворот Кремля. И назван он «сыном боярским», как тогда именовали членов низшего разряда «служилых людей по отечеству», то есть всех бояр и дворян. Если же судить по тому, что он выдал дочь Анастасию замуж за дьяка средней руки Григория Лукина, то Никифор сам был приказным человеком, в отличие от братьев Ивана и Андрея, которые в 1550–1552 годах числились среди «дворовых детей боярских третьей статьи» по подмосковному Можайску, так

же, как и двое (Иван и Илья) из пяти его сыновей. Остальные же трое, в том числе дед Андрея Ануфриевича Пимен, а затем и часть внуков, очевидно, пошли по стопам отца.

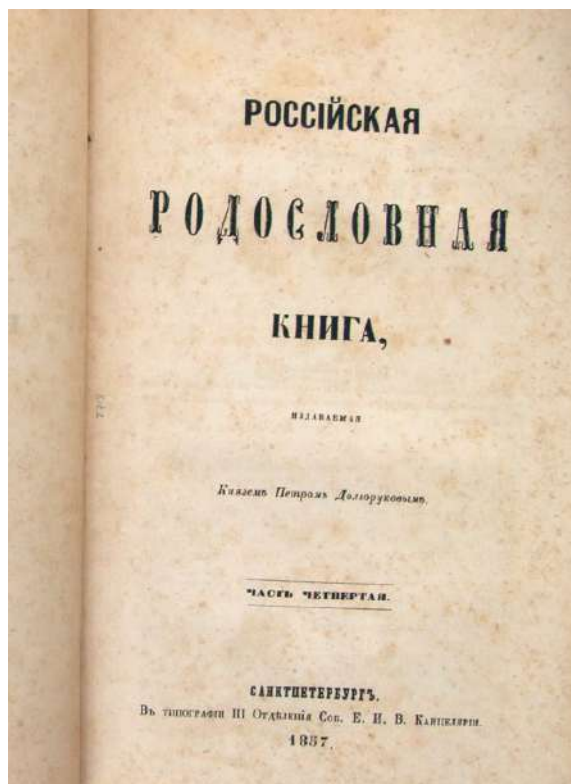
В те времена выбор рода службы помимо «породы» во многом зависел, кроме физических данных, от владения грамотой. Косвенное подтверждение этому — полное отсутствие упоминаний о ратных казенных службах деда и отца Андрея, хороший подчёрк Ивана Ивановича Дубенского, написавшего родственникам данную монастырю, гражданская служба в приказах Якова Игнатьевича Хрипунова и самого Андрея, наконец, владение грамотой Владимира и Ивана Афанасьевичей Дубенских. Все это свидетельствует в пользу предположения, что приказная служба, то есть занятие делопроизводством у князей Кривоборских-Ряполовских, а с годами в казенных приказах, была наследственным делом части этого клана Дубенских. Не исключено, что физическая непригодность к ратной службе деда Пимена — его прозвище «комак» в северодвинских и поморских говорах означало «рыхлый комок», то есть грузный, неповоротливый человек — определила, как часто это бывало в традиционном обществе, приказной род службы его самого и потомства. Владение же грамотой, столь редкое среди бояр и дворянства, давало реальную возможность обойти знатных и богатых в карьере и материальном положении.

Эти выводы и прямая связь Никифора с нашими Дубенскими подкрепляются историей наследственного землевладения потомства приказных Дубенских. По писцовым книгам за 1636–1643 и 1647 годы Андрей Ануфриевич владел после брата Ивана третью вотчины в Колпском стане Владимирского уезда. Судя по тому, что остальные две трети принадлежали потомкам двух родных братьев его деда Пимена Никифоровича (Афанасия и Ивана), эту вотчину имел прадед Андрея Никифор Дубенский.

Его отцом потомки в конце XVIII века в своей родословной, опираясь на родословную конца XVII века, считали Ивана Михайловича Дубенского. Как выяснил Кистерев, этот Иван где-то в 1389–1428 годах купил и оформил полную холопью грамоту на некоего «Митицу Анцыфорова» с семьей. В свою очередь, по этой родословной

Николай Иванович Новиков

Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгорукиным. Часть четвертая. СПб, 1857 г.

его дед Семен с бездетным братом Астафием вышли в 1425 году из польско-литовских земель для службы московскому Великому князю Василию II.

Казалось, все основные звенья родословной основателя Красноярска, включая начальное, выявлены. Он потомственный дворянин, отдаленный потомок старинного княжеско-боярского рода. Вроде подтверждается и иноземное происхождение

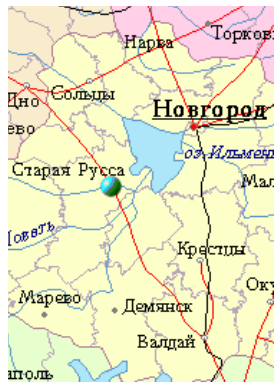
предка Андрея. В составленной в 1682 году знаменитой Бархатной книге российского дворянства, опубликованной через 100 лет Н.И. Новиковым, в Дубенские отмечены среди вышедших из Польши 113 родов, то есть почти каждый четвертый. Правда, историки давно установили легендарность иностранного происхождения многих родов русских феодалов. Мода была такая в стране с догоняющим типом социального развития. В тогдашнем

сословном обществе престижно и в карьерных целях выгодно было считаться выходцами из более развитых стран. Такого соблазна не избежала даже последняя в России правящая династия Романовых.

Что касается предполагаемых предков-братьев, то еще в своих справочного характера работах середины XIX века по дворянской генеалогии князь П.В. Долгоруков не считал Дубенских выходцами из Польши. Их родоначальником князь, а за ним и все, кто писал о Дубенских, ошибочно называли Федора Дубенского, который ездил послом в 1445 году, будучи дьяком, от галицкого князя Дмитрия Шемяки, соперника московского великого князя Василия II, к обосновавшемуся в Казани хану Улу-Мухаммеду. Позже Федор Дубенский постоянно встречается в источниках как дьяк «государя всея Руси» Василия II (Темного) и молодого Ивана III, много сделавшего для объединения русских земель в единое Российское государство.

Разрядный приказ Дубенских числил под общим 216-м порядковым номером из 930. Это означало, что по знатности Дубенским уступали каждые четыре из пяти родов российского дворянства. Однако и эта информация вызывала недоверие. Всех Дубенских, а было минимум три разных рода — возможных однофамильцев, в Разряде неправомерно свели в один. Дело в том, эта книга составлялась не для служебного пользования, а просто для памяти. Кроме того, приказные Разрядного приказа не могли составить Бархатную книгу по всем «родословцам» служилых людей по отчеству. Их собирали и после сожгли в связи с отменой старинного местничества, по которому служебные назначения давались по знатности-породе, а не по служебной пригодности и способностям. Считалось оскорблением — «порухой чести» служить ниже «местом» (должностью) или вровень с менее родовитыми. Поэтому некоторые, предчувствуя неладное, утаили свои родословные.

Сомнение в достоверности предков Андрея Дубенского старше Никифора вызывало и то обстоятельство, что Ивана Михайловича и его сына Никифора Ивановича по родословным разделяет почти столетие. Кистерев этот хронологический разрыв видел и довольно гипотетично заполнял его дворянами Верхнедубенскими,

Фрагмент карты Новгородской области. Карта Околорусья в Приильменье

Герб Старой Руссы. «В верхней части щита герб Новгородский. В нижней — в красном поле железная сковорода, на которой варится соль, поставленная на кирпичной разжеванной печке, понеже в сем городе имеются знатные соляныя варницы». Высочайше утверждён 16 августа 1781 г.

имевшими в первой половине XV века земли в верховьях реки Дубна в Верхнедубенском стане Переяславского уезда. Этих дворян историк считает с Дубенскими одним родом.

Поиск мой, как и Кистерева, родословной Дубенских шел, естественно, в среде дворянства — срабатывала глубокая историографическая колея. Логически и фактически это было оправданно при выявлении ближних звеньев родословной. Ход рассуждений был прост и поэтому убедителен: раз Дубенского «отпустили с Москвы» с Я.И. Хрипуновым, значит, он жил и служил в столице и принадлежал к привилегированному столичному разряду «служилых людей по отечеству», как в далеком XVII столетии называли всех феодалов, то есть земле- и душевладельцев. Столичные чины (окольничие, кравчие, чашники, московские жильцы, «дворовые», то есть столичные дворяне) занимали среднее положение между высшим и уездным чинами. В пользу этой версии (версии, потому что документальные подтверждения не приводились) говорил тот факт, что Дубенскому поручили строить крупный острог и выполнять функции воеводы в нем, а такую службу по тогдашним местническим правилам не давали уездным дворянам. В этом направлении и пошли мои дальнейшие поиски предков Андрея Ануфриевича Дубенского.

Однако, как оказалось, такой подход ограничивал сферу поиска истоков

родословия Андрея. Возникшие со временем сомнения в достоверности начального звена родословной, то есть деда Никифора, перешло у меня в уверенность после более тщательного анализа Тысячной книги 1550 года и составленной после нее к 1552 году Дворцовой тетради. Эти уникальные источники появились в связи с желанием молодого царя Ивана IV иметь всегда под рукой отряд преданных дворян, для чего стали помещать помимо их прежних владе-

Иван III Васильевич

Юбилейная палладиевая монета в честь 500-летия образования единого Русского государства

Один из первых гербов Великого Новгорода

списках-копиях этих документов стоит уточнение «Ряполовы». Он никак не объяснил оба эти упоминания, посчитав, что писцы уточнили, о ком идет речь, ибо в списках были еще четыре московских Дубенских — «Микитиных детей». Сам Никифор, как и его сын Пимен и внук Ануфрий, отсутствуют в этих списках, на основе которых позже формировали опричный «Государев двор» и опричников. Они не вошли либо по причине старости, либо, по всей видимости, как писалось выше, находились в приказной службе. Стало ясно, что Никифор с братьями и их дети имели вторую фамилию Репеховы. Подтвердилось и место их прежнего пребывания в самом начале XVI века в стародубских землях, центром которых был стан Стародуб-Ряполовский Владимирского уезда и старинный город-крепость Ряполов Стародубский (ныне селение Клязьминский городок) во Владимирщине. Его Иван Грозный в годы опричнины отдал вместо г. Одоева князю Ивану Михайловичу Воротынскому.

Почему все потомки, начиная с Никифора и его братьев, предпочитали не упоминать о другой своей фамилии? Оказывается,

Стародуб-Ряполовский, основан в 1152 году, младше Москвы златоглавой всего на 5 лет. Сожжен дотла Лжедмитрием II в 1609 году. Находится в Ковровском районе Владимирской области

Репеховы были «житыми людьми», то есть богатыми, но не знатными людьми в Новгородской земле в XV веке. Один из них, Юрий Репехов, как и некоторые крупные бояре и купцы, выступал за вхождение Новгородской земли в Польско-Литовское государство, а не в Московскую Русь. После окончательного подчи-

нения Новгорода в 1478 году московский великий князь — «государь вся Руси» Иван III казнил пять наиболее опасных политических противников во главе с посадником Дмитрием Исааковичем Борецким. Посаднику же Марфу, жену казненного после сражения при Шелони в 1471 году посадника Исаака, с внуком и ближними людьми, всего восемь человек, в числе которых был «новгородский житий человек Юрка Репех», велел «взяти к Москве», а их имущество «отписать на государя». Вслед за этим Иван III стал методично разрушать крупное вотчинное землевладение новгородцев. Сначала конфисковали земли у 30 крупнейших бояр, а затем начались массовые перекрестные переселения в 1483–1484, 1487–1489 и 1490-е годы.

Более тысячи семей с семью тысячами человек новгородских бояр и их послужильцев-арьерфеодалов получили вотчины и поместья русских феодалов, а те, в свою очередь, их земли, но, как правило, на поместном праве. Как видим, позже Иван IV Грозный был не оригинален, занимаясь в опричнине «перебором

Марфа Борецкая глазами художника

Скульптурная группа, посвященная Марфе Борецкой

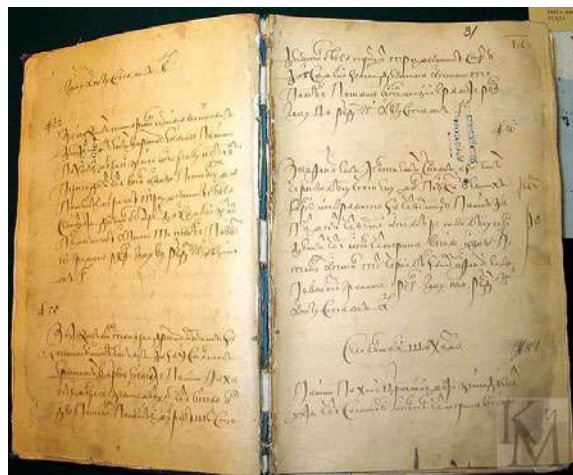

людишек» у двоюродного брата князя Владимира Старицкого и других бояр, чтобы упрочить свою власть.

Юрию Репехову сначала, возможно, удалось избежать высылки. По крайней мере, в новгородских писцовых книгах за 1493–1496 и 1497/1498 годы он показан среди шести Репеховых, новгородских вотчинников. Историк В. Н. Бернадский считает его в «около-русских», то есть в ближних, погостах около города Старая Русса «хотя и не из самых крупных, но все же среди известных бояр и житых людей». Последних московские переписчики называли «бояришками».

Новгородский след этих Дубенских привел к новой, наиболее вероятной, версии происхождения рода Андрея и объясняет подоплеку политических симпатий его предка Юрия. Репеховы происходили из Старой Руссы, самого крупного — до 1500 дворов пригорода Новгорода и старинного центра солеварения, где до опричнины насчитывалось более 600 солеварен. Юрий явно нажил свое богатство не столько землевладением, сколько солеварением и тор-

говлей дорогой солью, которая шла и в соседние Литву, Польшу и Швецию. Таким образом «Юрка Репех», уничижительно так названный в известии о его опале, происходил из посадских людей — солепромышленников, а разбогатева, обзавелся землей

с крестьянами. Однако и богатство, и феодального типа землевладение не давали ему престижного статуса. Богатый и авторитетный, вхожий даже в новгородские верха, он оставался просто «житым человеком-бояришкой», а не боярином. Не случайно в справочнике прозвищ посадских людей русских городов XVI века есть и Репехов.

Когда его после 1499 года, судя по отсутствию в писцовых новгородских книгах, все же выслали с семьей, то, возможно, часть утаенных средств, сохранившиеся торговые и политические связи со знатными собратьями по несчастью — с той же Борецкой, хорошее владение грамотой помогли семейству Репеха начать новую, уже официально дворянскую, жизнь. Ведь, по московским меркам, детей Юрия, видного бывшего землевладельца и лидера целого клана, могли поверстать в «государеву службу». Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Тем более что статус посадского был выше крестьянского, и не всех посадских вотчинников постигла участь крестьян-вотчинников (своеземцев) вроде Амосовых, у которых земли конфисковали, а самих положили в тягло. Ведь и балахнинский посадский Мина Анкудинов, дед Козьмы Минина, был мелким вотчинником и владельцем пая солеварни. Возможно, помог и брак в кем-то из младших «недостаточных» Хрипуновых, а они, как уже отмечалось, относились к клану князей Стародубских-Ряполовских-Аничковых-Хрипуновых, у которые были

Старый герб Владимира

16 августа 1781 года город Муром получил новый герб: «В верхней части герб Владимирский: в красном поле стоящий на задних лапах лев, имеющий на голове железную корону, держит в передней правой лапе длинный серебряный крест. В нижней — на голубом поле три крупитчатых калача, которыми сей город отменно славится»

давние связи с Новгородом. Так князь Иван Иванович Кривоборский, некогда с братьями бывший боярином у новгородского владыки, получил из его конфискованных земель небольшое поместье из 16 дворов в трех деревеньках в Устьянском погосте Деревской пятины Курского уезда. Князь Семен Ряполовский, участвовавший в покорении Новгорода, по собственному выбору в 1484 году занял обширные новгородские земли. Вероятно, по просьбе Юрия, подкрепленной солидной суммой, при его высылке князь Иван Иванович, как выше отмечалось, принял на свое подворье грамотных и смысленых трех его детей — Ивана, Никифора и Андрея, и со временем помог определиться им в приказную службу к родственникам — Аничковым-Хрипуновым.

Святые кн. Петр и кнг. Феврония, прав. Иулиания Лазаревская. Фрагмент иконы Божией Матери «Звезда Пресветлая». 1690 (?) год. Иконописец А. Казанцев (?) (МИХМ)

Став, вероятно, после покупки отцом населенной земли землевладельцами, братья взяли новую фамилию, как обычно, образовав ее по общему местоположению вотчины в бассейне реки Дубна, к которому относилась речка Колпа, правый приток Суды, которая впадала в верховья Шексны, вытекающей из озера Белое и впадающую в Дубну. Подобная практика была обычной в тогдaшнее время. К тому же братьям,

да и потомкам, совсем было не с руки напоминать, что их род шел от человека непрестижного происхождения с активной антимосковской ориентацией. Легенду же об иноземных предках придумали потомки в XVII веке и повторили в XVIII для престижа, остроумно обыграв политические симпатии прауродителя. Семейная же память об этом была жива, и не случайно сначала родной брат Никифора Андрей Иванович Дубенский (потомки называли его Дубенским-Хрипуновым), а затем до 1598 года еще несколько семей Дубенских-Хрипуновых «отъехали» в Литву, как они сами показали, «убоясь окрутства» со стороны царя Бориса Годунова, как поляки говорили, «на один час государя московского».

Андрей Дубенский рос среди людей книжных и глубоко верующих. Так, показательно, что его четвероюродной сестрой была месточтимая святая Ю(Иу)лиания (в миру Ульяна) Лазаревская (Муромская). Ульяна Устиновна Недедюева, дочь Степаниды Григорьевны, приходилась правнучкой Никифору Дубенскому. Он, будучи приказным человеком, выдал свою дочь Анастасию замуж за дьяка Григория Лукина. Вдовая Анастасия воспитала родную внучку Ульяну, которая рано осиротела, и выдала замуж за муромского помещика Осорыина

Прав. Иулиания Лазаревская. Икона. Псл. треть XIX в. (собор Благовещенского монастыря, Муром)

Василий Оситович Ключевский (1841–1911), самый популярный русский историк, сын сельского священника Пензенской епархии. Автор «Курса Русской истории», которым зачитывались многие поколения

(Осоргина). В страшный голод 1601–1603 годов Ульяна кормила всех голодающих, пока были средства, а потом ушла в монастырь и умерла от голода в 1603 году якобы 69 лет отроду.

Ее сын Дружина (Каллистрат) Георгиевич через несколько лет написал «Житие» своей матери, что дало основание впоследствии ее канонизировать. Вполне вероятно, что до 13 лет Андрей мог встречаться (Муромский уезд соседствовал с Владимирским) или, безусловно, знал о своей высококонравственной сестре, которая искренне следовала заповедям добра, милосердия, гуманизма, невзирая на сословное неравенство людей. Знаменитый историк В. О. Ключевский и академик Д. С. Лихачев даже считали ее подлинным примером старинного истинно православного человека.

Андрей, как отмечалось, был третьим сыном в семье. Треть прадедовской вотчины в с. Заболотье-Заболово унаследовал от бездетного брата Ивана после его смерти к 1636 году. Не исключено, что он, рано потеряв и мать, сиротой воспитывался у московских родственников Хрипуновых, побывав уже в детстве в Сибири. Как выше отмечалось, сепаратистски настроенные бывшие бояре-княжата Хрипуновы-Ряполовские в борьбе за власть при царе Федоре Иоанновиче поддерживали Шуйских, а не Бориса Годунова. Последний, взяв верх, некоторых незнатных феодалов и из верхов московского посада казнил, а других своих противников познатнее разослал по окраинам страны. Среди них был стольник Игнатий Лаврентьевич Хрипунов. В 1592 году Игнатия со всей семьей из Ржева отправили в Вологду, а оттуда князь П. Горчаков, посланный построить Пелымский острог, должен его доставить в новый городок Таборы на «житье до указа». Среди домочадцев был Яков

и, возможно, 4-летний Андрей. Это предположение — одна из возможных причин покровительства Якова Игнатьевича Андрею, позже взявшего его в Сибирь, организовав тем самым ему возможность стать основателем Красноярска.

В Смутное время семья Хрипуновых вернулась из Сибири. Яков с Андреем взрослыми (15-летних уже верстали в службу) оставались верными фамильным политическим предпочтениям. В 1611 году Яков Игнатьевич как сторонник семибоярщины (так называли группу знатнейших бояр, которые пришли к власти и пригласили на московский престол католика, польского королевича Станислава) получил от последнего значительное поместье в Бельском уезде. Вместе с 200 четями (100 десятинами) надела в Вяземском уезде у Якова Игнатьевича оказалось 650 четей, что делало этого провинциального дворянина уже дворянином по выбору, то есть периодически служащим в Москве.

Первый царь из Романовых Михаил и его отец, патриарх Федор, вернули в столицу представителя пострадавшей от Бориса Годунова фамилии Хрипуновых и, как знающих не понаслышке Сибирь, определили в Казанский приказ, ведавший окраинами страны. Стольник и «письменный голова» Гаврило Хрипунов участвовал в основании Мангазеи, Хрипуновы были воеводами в Томске, Кузнецке, Туринске и других городах. Якова Игнатьевича в статусе столичного дворянина и стольника в 1622 году послали первым воеводой в новый Енисейский острог, который называли сначала Кетским и Тунгусским. Вернувшись в 1625 году в Москву, он продолжил службу в приказе. Скорее всего, Андрей тоже служил в Казанском приказе. Не случайно крупный знаток истории Сибири Н. Н. Оглоблин, описывавший дела Сибирского приказа, называл Андрея «сыном боярским и приказным человеком». Это помогло будущему основателю Красноярска с помощью родича получить престижное поручение, чтобы поднять свой невысокий статус.

Герб Хрипуновых, 1788 г.

Сибирская служба Андрея Ануфриевича

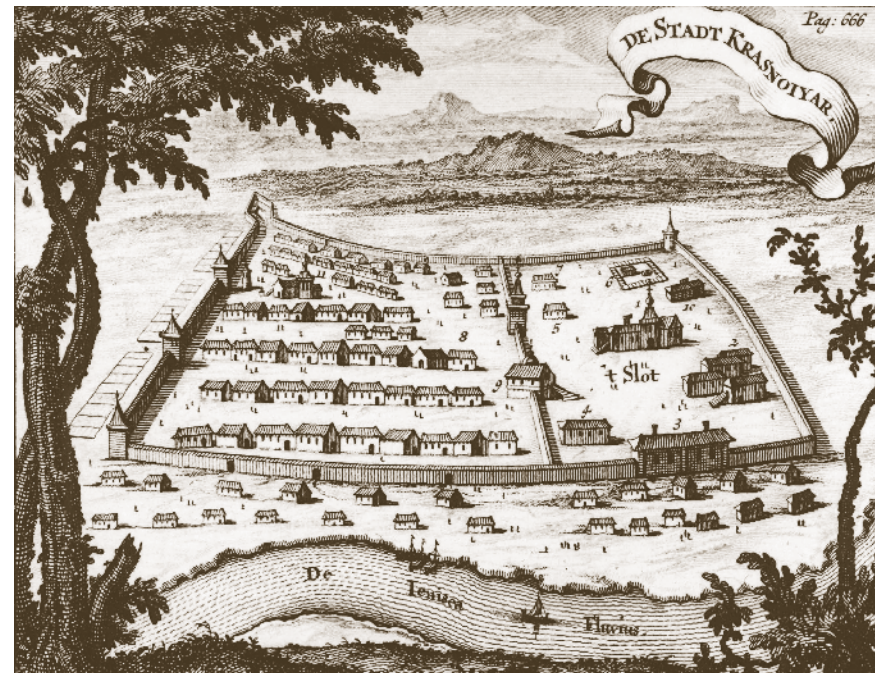

Андрей Ануфриевич
Дубенский.
Реконструкцию
выполнил В. Бахтин

В Енисейске помощник воеводы Хрипунова не сидел без дела. В тот же 1623/1624 год он с отрядом казаков ходил походом на ангарских бурят. Затем умный и дальновидный воевода для обеспечения безопасности Енисейска, Томска и Кузнецка от набегов князей енисейских киргизов и стоящих за ними северо-монгольских Алтын-ханов и правителей «черных калмыков», а также закрепления за Россией бассейна Среднего Енисея, послал Андрея Ануфриевича выбирать место под строительство нового острога. Дубенский же, прибывший с ясачной пушниной в столицу, давал пояснения к присланному ранее

Я. И. Хрипуновым чертежу и описанию выбранного под острог урочища «Красный Яр».

Во время красноярской службы А. А. Дубенский, несомненно, проявил решительность, целеустремленность и настойчивость. Так, после положительного решения ставить острог и назначения его, как самого осведомленного, городчиком Андрей Ануфриевич в 1625 году, не дожидаясь именного указа о новом назначении, отбыл в Тобольск. Из-за нечеткости царского распоряжения, а также неповоротливости и явного противодействия местных властей год прошел в настойчивых, но почти безрезультатных усилиях получить все необходимое для экспедиции. Именно тобольский главный воевода, князь Дмитрий Тимофеевич Трубецкой, долго отказывался дать Дубенскому деньги и людей, ложно ссылаясь на отсутствие свободных денежных средств и неполучение соответствующего указа. Скорее всего, спесивый аристократ, по законам местничества, не хотел заниматься делами какого-то захудалого, по его мнению, сына боярского. Об этом же свидетельствует сравнительно низкий оклад А. А. Дубенского. Судя по наказу Архипу Акинфому, отправленному в январе

Город Красноярск. Гравюра из книги Николааса Витсена «Путешествие в Московию», 1664–1665 гг.

1629 года на смену Дубенскому, первому гарнизону отпустили сразу на два года хлебные оклады, в том числе «городчику» Дубенскому в год положили по 12 четырехпудовых четвертей ржи, да столько же овса и девять рублей деньгами. Для сравнения, три атамана Дубенского получили каждый по десять четвертей хлеба и по четыре четверти крупы и толокна.

Тогда в начале октября А. А. Дубенский обратился с «отпиской» прямо к царю, в которой просил ускорить решение вопроса о снабжении экспедиции. Помогла и повторная энергичная поддержка Я. И. Хрипунова, который готовил в Москве экспедицию на Ангару для поиска и первой в России организации выплавки серебра. Подтвердительный «государев указ» состоялся в Москве 13 декабря 1626 года, причем экспедиция должна была отправиться в путь уже 20 июня 1627 года.

Общие пороки тогдашнего управления Сибирью, небольшой, всего в полгода, срок подготовки такой крупной экспедиции, значительная зависимость ее от действий тобольских и енисейских властей — все это обусловило те трудности, с которыми столкнулся отряд Дубенского во время следования к месту назначения. По осенней большой воде нужно было успеть из Оби подняться правым ее притоком Кетью до острожка Маковского, затем 60-верстным волоком достичь Кеми, левого притока Енисея, дойти до ее устья и подняться вверх по Енисею на десять верст к Енисейску. На маковском участке пути отряд застала зима. Задержали глубокая осадка полученных в Тобольске судов и нехватка (вместо 400 только 303) служилых людей, которых недобрали из-за экономии правительства и общей слабой заселенности Сибири русскими. Пришлось грузы везти на купленных лошадях и тащить на нартах, впрягаясь в лямки. В Енисейске чуть ли не под угрозой физической расправы пришлось добывать у воеводы Аргамакова недостающее снаряжение, оружие, провиант и дощаники.

Во всем этом нельзя винить только руководителя экспедиции. Трудно даже представить, сколько терпения и самообладания, твердости и мужества потребовалось А. А. Дубенскому, чтобы добиться подчинения и авторитета у своих казаков и выполнить возложенную задачу. Ведь ему сибирские воеводы выделили «войско» по принципу «на тебе, боже, что нам негоже», отдав из своих уездов наиболее буйных и дерзких казаков, а также разного рода «охочих» людей. А. А. Дубенскому же, чтобы ускорить доставку грузов в Енисейск, удалось убедить их потратить свое жалованье на покупку лошадей.

После изнурительного двухмесячного плавания из Енисейска вверх по течению реки в один из июльских дней 1628 года целая флотилия тяжелогруженных речных судов (16 дощаников, 5 лодок и 1 струг) пристала к широкой песчаной отмели у правого крутого обрыва мыса Стрелки, образовавшейся при впадении Качи в Енисей. К 16 августа по новому стилю острог был поставлен (до XVIII века летоисчисление давалось от Рождества Христова, поэтому при переводе на современное нужно отнять 5508 или 5509,

Макет Красноярского острога, XVII век. Красноярский краевой краеведческий музей. Реконструкция Панова Э.М.

если событие произошло после 1 сентября, с которого начинался тогда новый год).

По словам основателя Красноярска Андрея Ануфриевича Дубенского, «на угожем месте, на Красном Яру.. где мест пахотных и сенокосных изобильно», выросла небольшая деревянная крепость с тыновыми стенами и рублеными на столбах пятью башнями.

В плане этот «острог стоячий» представлял собой неправильный четырехугольник, умело вписанный в обрывистый, высокий (до четырех метров) мыс — по периметру около 412 метров.

По направлению с севера на юг изначальный Красноярск занимал территорию между современным зданием Китай-города и Большим концертным залом. По месту южной Быковской башни прошла входная лестница концертного зала. Там, где были две северные башни — Качинская и Угольная, ныне находится двухэтажная пристройка высотного здания. На стык восточной и южной острожных стен приходится место спуска с верхней платформы концертного зала к автомобильной дороге на ул. Карла Маркса. Проезжая Спасская башня в западной острожной стене находилась примерно в ста метрах от фасада левого крыла девятиэтажного дома на Стрелке и отмечена в 2008 году юбилейной аркой.

Сам острог, по авторитетному мнению Г. Ф. Миллера, поставили «необычайно быстро», что было очень и очень непросто. Обращает на себя внимание тот факт, что в своих челобитных

*Юбилейная арка,
сооруженная в честь
380-летия Красноярска.
Обозначает грани-
цу между «малым»
и «большим» городом*

о перенесенных испытаниях и нуждах первые красноярцы не обвиняли своего воеводу.

Показательно, что в лето 1629 года, когда возникла реальная угроза голодного бунта, А.А. Дубенский изобретательно нейтрализовал эту опасность, отправив группу зачинщиков объяснять обитателей среднего Приангарья. Провиант же им предлагалось взять в Енисейске, который должен был снабжать хлебом весь красноярский гарнизон. Хотя это сильно обострило соперничество Енисейска и Красноярска, но дело было сделано — угроза голодного бунта миновала.

Умелым, инициативно мыслящим фортификатором показал себя А.А. Дубенский и при сооружении укреплений Красноярска. Учитывая отсутствие артиллерии у коренных обитателей Среднего Енисея и значительную численность своего гарнизона, он правильно выбрал упрощенный тип острожных укреплений.

В нарушение царского наказа, что было крайне рискованно, вместо обычной рубленой стены, состоящей из двух параллельных рядов продольно положенных бревен, которые соединяли перерубами (тарасами), и засыпая промежутки между ними землей и золой, как защиту от поджога, Дубенским был поставлен «острог стоячий», то есть тыновой, из заостренных вверху и вертикально заглубленных в землю сосновых бревен. Бревна (всего 2500 лесин) казаки заготавливали в районе Усть-Маны, и после сплава по

Енисею втаскивали их на высокий, в четыре с лишним метра, яр к месту строительства.

Первый командир красноярского гарнизона оказался неплохим тактиком и стратегом. Посылая 28 августа 1628 года Ермака Астафьева с 50 казаками на Кан для строения острожка (ныне село Комарово), он сразу же обезопасил Красноярск от неожиданного нападения с востока. Правильно оценив общую ситуацию на Среднем и Верхнем Енисее, А.А. Дубенский завязал мирные отношения с подгородными племенами и настроил их против «хозяев» — киргизских «князцов», которые начали организовывать силами киштым-данников вооруженное сопротивление русским. Он действует их же средствами. Предпринятый с середины августа 1628 года первый в глубь «Киргизской земли» поход отряда в 140 человек атамана Ивана Кольцова был успешным и продемонстрировал военную силу только что отстроенной крепости. Основатель острога умело действует не только оружием, но и дипломатией. Намереваясь путем переговоров сделать юридическим фактом образовавшуюся сферу русского влияния на Среднем Енисее, он отправил в 1629 году

Красноярский острог конца XVII века

Первая печать Красноярского острога с грамоты 1644 года с изображением инрога (единорога). Надпись по кругу: «Печать государева земли Сибири Красноярского острога». Впервые дана в 1635 году

к трем киргизским князьям посольство казака Никиты Хохрякова. Принятые меры позволили Красноярску устоять в 1629–1630 годах, когда часть гарнизона вывели в связи с планами ликвидации его или превращения в обычный пункт по сбору ясака.

Таким образом городчик А. А. Дубенский, действуя как воевода, фактически был им. Находясь несколько лет в Приенисейском крае, он видел, как и Я. И. Хрипунов, огромные возможности превращения острога в перспективный центр нового, очень крупного уезда.

А. А. Дубенский отличался явной эстетической одаренностью, выбрав уникальную для реальной задачи и перспективных гра-

достроительных целей местность, о чем неоднократно и веками говорили и писали многие путешественники и специалисты-архитекторы.

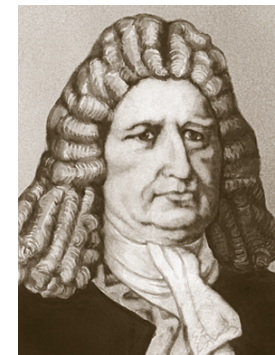
Творческий самобытный склад мышления А. А. Дубенского проявился и в оригинальном названии острога. По законам ономастики (науки об именах собственных) каждый ойконим (название населенного пункта), выделяя объект из себе подобных, должен в первую очередь пространственно себя ориентировать. Поэтому в районах начального заселения первые названия населенных пунктов всегда привязывались к гидронимам, то есть к более устойчивым и ранним названиям рек и водоемов. Красноярск следовало назвать Верхнеенисейским или Качинским острогом, а не Красным или Красным Яром — по прекрасному местоположению, а также по цвету высокого обрывистого мыса Стрелки и крутого берега Енисея в районе устья Качи. Оценочные же названия типа «Красный» и «Красный Яр» относятся к третьему по времени появления пласту ойконимов после слоев названий, образованных от гидронимов и имен первожителей.

Поэтому Томск на запрос Казанского приказа отговорился незнанием в Тюлькинской (Качинской) землице Красного урочища. Будущий строитель показал, «что в Качинской землице — Красный Яр; а место красно же».

Любопытно, что маститый историк Г. Ф. Миллер сначала не признал это название и называл острог не иначе как «Новый Качинский острог», или, в другом случае, «Новый Качинский Красный острог». Правда, позже, лично побывав в Красноярске (Миллер жил в нем с февраля по август 1735-го и с февраля 1739-го по октябрь 1740 года), во введении к своей книге с одобрением записал: «Красивая местность, удобное местоположение, равно как и высокий красноватый, круто обрывающийся берег — яр реки Енисея вполне оправдывает название Красный Яр, которое было дано Дубенским этому месту».

Красноярский чиновник и ученый Н. В. Латкин в своей книге «Красноярский округ Енисейской губернии» писал: «несмотря на разночтения, споры о первородстве, имя города Новокачинский острог не прижилось и ушло уже в середине XVII века, оставив Красный яр, принимаемое всеми жителями как единственно верное». Сам же Андрей Ануфриевич на следствии в Москве предпочитал компромиссно называть свое детище «Новый Качинский Красный острог». Отдавая дань традиции, не случайно в первые десятилетия одновременно употребляли «правильное» название Красноярска — Новый Качинский острог. Время, однако, довольно быстро расставило все по своим местам, и красноярцы оказались единодушны в эмоционально-эстетической оценке своей малой родины.

Интересно, что одно из правильных названий «Новый Качинский острог» также свидетельствует о том, что до Красноярска в районе Качи существовало русское укрепление. Источники об

Герард Фридрих Миллер, историк XVIII века, профессор Петербургской академии наук

Мелеский острожек. Фрагмент чертежа сына боярского Цыбурина, основателя нового Ачинского острога, поставленного в 1710 году

этом молчат, но есть сведения, что объяснять местных качинцев и аринцев пытались томские казаки из Маковского острожка на среднем Чулыме. Тот же Н. В. Латкин, ссылаясь на местные предания, сообщал, что енисейцы из Кетского острога срубили в Тюлькиной землице в 1608 году Качинский острожек. Якобы именно этот острожек был ясачным пунктом несколько лет, что и явилось основанием нового указа уже царя Михаила Романова в 1621 году: «...повелеваю поставить вновь острог в Качинской землице». Исполнением этого указа якобы и занялся Я. И. Хрипунов через год после своего прибытия в Енисейск, послав Андрея Дубенского подыскать подходящее место.

В целом красноярская служба Андрея Дубенского была типичной попыткой представителя родовитого, но по политическим мотивам худавшего дворянского рода, а скорее всего, недавно вышедшего

из верхушки новгородского посада дворянским, улучшить свой должностной и сословный статус через полученную с помощью своих родственников престижную службу. Однако эта цель не по его вине не была полностью достигнута, хотя Андрей Ануфриевич, этот явно незаурядный, творчески мыслящий и эстетически одаренный человек, проявил большую выдержку и терпение, решительность и целеустремленность, твердость и мужество, воинские и дипломатические способности.

За свою службу в Сибири Дубенский вначале не получил ни нового почетного назначения, ни вотчин, ни прибавки к поместью. Мало того, его оклеветали и вызвали в конце 1629 года для суда и следствия в Москву. Енисейский воевода Аргамаков, не желая делить с красноярцами доходы от объясачивания обитателей

Среднего Енисея, очернил Дубенского и поставил под сомнение даже целесообразность основания Красноярска. Москва 1 августа 1630 года поспешила издать указ, которым даже разрешала ликвидировать острог на Красном Яре. В указе, в частности, было сказано: «Впредь в том остроге воеводам и служилым людям быть не велено, потому что Андрей Дубенский тот острог поставил, назвався сам, и сказал, как... на Красном Яру острог поставит, и в том... государю будет великая прибыль...»

Царь Михаил Романов и боярская дума остались недовольными незначительным количеством ясака, поступившего в первые годы из Красноярска. Ведь из Енисейска со злорадством донесли, что за 1628 год присланная из Красноярска пушнина, всего 397 соболей на 192 рубля 58 и 1/2 копейки, не окупила даже стоимости одного дощаника экспедиции А. А. Дубенского. А ведь их потребовалось 16, не считая лодок.

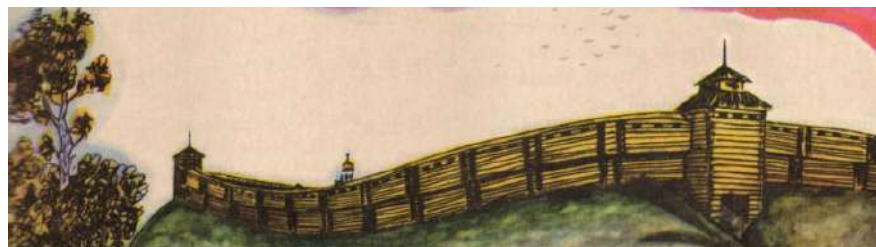
Однако Я. И. Хрипунов не дал в обиду свое детище и не позволил ликвидировать острог. Через Казанский приказ, в котором его хорошо знали и где он имел прочные позиции и поддержку, организовали опрос воевод соседских Томского и Кузнецкого уездов о целесообразности ликвидации Красноярского острога и послали своего человека, курмышенина Архипа Акинфова, воеводой в Красноярск, чтобы он на месте разобрался с этим вопросом. Томск и Кузнецк и земляк Ивана Ануфриевича Дубенского, брата Андрея, признали необходимость новой крупной крепости. Все обвинения в адрес ее строителя были сняты.

На закате жизни

Из-за интриг, зависти, клеветы и сословной спеси сибирских воевод А. А. Дубенский, получив лишь очередное звание дворянина, оказался в Курмыше Курмышского уезда, где унаследовал от бездетного брата Ивана поместье. Вместе с другими Дубенскими его, судя по частично сохранившейся писцовой книге 1624/1625 года, испоместили в 1616–1618 годах в Среднем Поволжье, где после Смуты начала XVII века на свободных приграничных землях оказались многие дворяне из разоренных в результате

польско-шведской интервенции центральных и западных уездов. Земли Дубенских лежали по левому берегу Суры, у дороги между с. Лысково и с. Мурашково, и числились в «Завоцком стане по селу Вравскому и пустошам Бурцовой да Сазоновской». Там Андрей Дубенский продолжал проходить сложную жизненную школу в условиях нового, но уже южного, приграничья, при постоянной угрозе внезапного набега из-за Суры крымских татар, с регулярным общением с поселенными здесь литовцами, поляками, татарами и особенно с «черемисами» (территория Курмышского уезда входит ныне в современную Чувашию).

Кроме того, согласно писцовым книгам Владимирского уезда 1636–1643 годов, он являлся мелким вотчинником Владимирского уезда, владея третьей родового села Заболово (Заболотье). Описывая вотчинников «Копского стану», писцы отметили: «За курмышенином, за Андреем Анофриевым сыном Дубенским, брата его, Иванова вотчина — треть села Заболово на Суходоле, а две трети того села в вотчине за Иваном Ивановым сыном Дубенским, за Иваном Володимировым сыном, да за Афанасьем Савиновым сыном Дубенским, да за Мирославовыми дочерьми, за девками, за Настасьєю с сестрами; в нем та его треть: место дворовое вотчинниково, да крестьян (дворы. — Г. Б.): (во дворе. — Г. Б.) Мишка Игнатъев, да дети его Ерофейко да Малафейко, да Павлик; (во дворе. — Г. Б.) Якушко Ефимов, да дети его Ондрюшко, да Трофимка, да Андрюшко, да Мартышко; да бобылей (во дворе. — Г. Б.) — Трофим Федотов, да братья его Таврило да Лукашко, да Васька; (во дворе. — Г. Б.) Данилко Иванов, да дети

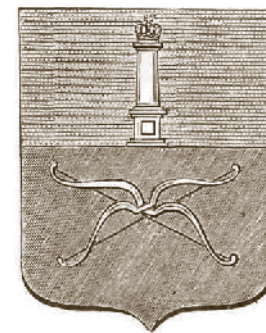

Реконструкция части крепостной стены Курмышского острога. Острог сгорел полностью в 1745 году

его Калинко, да Спиридонка; (двор. — Г. Б.) пуст бобыля Сеньки Федорова, бежал во 139 (1631. — Г. Б.) году. Пашни паханные на его треть: худые земли пятьдесят две чети, да лесом поросло сорок семь чети в поле, а в двух потому ж. И всего за курмышенином, за Кандратием (так ошибочно в тексте. — Г. Б.) Анофриевым сыном Дубенским в вотчине треть села, а в нем место дворовое вотчинниково, да два двора крестьянских, а людей в них девять человек, да два двора бобыльских, людей в них семь человек, да двор пуст бобыльский. Пашни паханные и лесом поросло: худые земли сто чети в поле (50 десятин. — Г. Б.), в дву — потому ж. В живущем — полосьмины с полчетвериком пашни (около 13 соток. — Г. Б.), а в пуге сошного письма пол-полтрети сохи, дошло к сошное письмо с полчетвериком пашни».

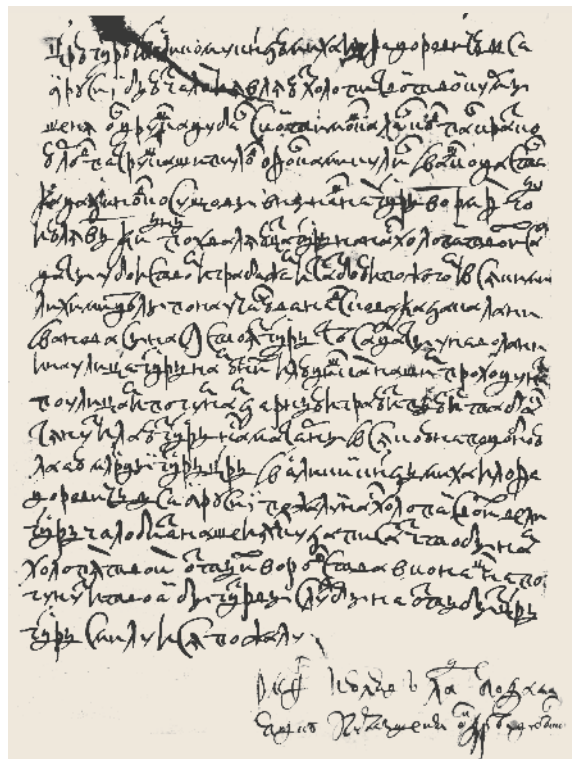
Таким образом, его доля состояла всего из четырех дворов с 16 крестьянами и бобылями и 100 четей (50 десятин) земли, в том числе «живущей», то есть засеваемой пашни имелось «полосьмины с полчетвериком», что составляло около 13 соток.

Опытный и много повидавший А. А. Дубенский сразу занял видное место среди местных дворян. Так, уже летом 1631 года он выступил от их имени против бесчинств, которые творили расквартированные в Курмыше для пограничной охраны «солдаты» частей «иноземного строя». Сохранилось подлинное заявление, а точнее, «явка» об этом от 18 июля 1631 года, поданная им самим через три дня курмышскому воеводе на имя царя Михаила Федоровича. В частности, он писал, выступая против, кажется, извечных наших российских болячек: «...похваляются, государь, нас, холопей твоих, солдаты убийством и грабежом, и татьбою и поджогам и всякими

Герб уездного города Курмыша Симбирской губернии. «В верхней части щита герб Симбирский. В нижней — два золотых лука, положенные крестом в зеленом поле в знак того, что прежние обыватели употребляли сие орудие с отменным проворством». Утвержден Екатериной II в составе Симбирского наместничества 22 декабря 1780 года

Современная транскрипция: «Црю гдрю и великому кнзю Михаилу Федоровичу вся Руси бьют челобитом и являют холопы твои (твои?! — г.б.), курмы/шеня, Ондрюшка Дубенской, Тимошка Ленков, Панкрашко/Юрлов, Патрушка Шипилов, Офонка Никулин, Ивашко да Стан/ка, да Зеновка Сущевы. В нынешнем, гдрь, во рмф (139. — г.б.) году/июля в к х (28. — г.б.) дня похваляюцца, гдрь, нас, холопей твоих, солдаты убойством, и грабежом, и татьбою, и пожомом, и всякими/лихими делами по наущению вневсково казака Лани Иванова сына. А стоят, гдрь, те солдаты у нево, Лани, и на улице, гдрь нам от них и людишкам нашим проходу нет/, по улицам и по гумнам зернью играют и пьют, и табак тянут, и лают, гдрь, нас матернью и всякою неподобною лаею. Милостливый млрд гдрь, црь и великий кнзь Михайло Фе/дорович всея Руси, пожалуй нас, холопей своих, вели/, гдрь, челобойтье наше и явку записать, чтобы нам, холопям твоим, от теи воровства в конец не погинуть, и твоей бы, гдрь, службы не отпасть бы. Црь, гдрь, смилуй и пожалуй».

лихими делами... и на улице нам и людишкам нашим проходу нет. По улицам и гумнам (солдаты. — Г.Б.) зернью (в азартную игру.— Г.Б.) играют и пьют, и табак тянут, и лают, государь, нас матерным и всяким неподобным лаем».

По выбору Андрей Дубенский продолжал периодически служить в столице. Его последняя, известная по источникам, служба — защита в 1633 году Москвы. В случае набега крымских татар этот, уже не взятый в полевую походную службу под Смоленск, 47-летний потомственный дворянин отвечал за оборону одной из башен между

Покровскими и Яузскими воротами, имея под своим началом отряд стрельцов и народных ополченцев.

Судя по тому, что в конце 1650-х — начале 1660-х годов поместье его умершего до 1636 года родного брата Ивана в разных налоговых документах Курмышской приказной избы уже было закреплено за единственным сыном Андрея Иваном, основатель Красноярска умер где-то до конца 1650-х годов. Его два внука, Богдан и Любим, по косвенным данным, с тех же курмышских земель деда служили в пешем полку «иноземного строя». К 1679 году каждый из них носил офицерский чин поручика. Любим умер бездетным, а от старшего Богдана осталось два сына — Иван да Александр. Сам Богдан в петровское время (1704–1709 гг.) служил воеводой г. Валуйки и Хатмыжска.

Драгунского полка офицер

Москва первой половины XVII века. В.М. Васнецов

Андрей Дубенский — основатель Красноярска

Воеводские должности во времена Елизаветы Петровны занимал и его сын Александр. По прямой мужской линии род Андрея Дубенского пресекался в конце XVIII века, так как сыновья Ивана и Александра — соответственно Николай и Иван, умерли бездетными. В XIX веке среди потомков Афанасия Никифоровича, его двоюродного деда, были и генерал, член Государственного совета, и ученый, первым исследовавший «Слово полку Игореву», эту жемчужину литературы Древней Руси конца XII века.

История Дубенского — это типичная для той эпохи судьба человека, чей род пережил взлеты и падения, который

Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи

пытался преодолеть узкосословные местнические ограничения и препятствия, мешавшие занять достойное место в обществе талантливым и энергичным, но недостаточно знатным и богатым людям.

В обширном «Общем российском гербовнике», опубликованном П. В. Долгоруковым в 1857 году, Дубенские делились на две ветви со своими особыми гербами, которые входили в шестой, самый почетный старинный разряд российского дворянства (позже этих природных дворян называли столбовыми).

«Герб господ Дубенских». Проект 1788 года, представленный отставным гвардии прапорщиком Григорием Львовичем Дубенским и его двоюродными братьями, премьер-майорами Порфирием и Ксенофонтом Гавриловичами Дубенскими и приложенный к их родословной. В Департаменте герольдии его одобрили и в стилизованном виде включили в часть VI Гербовника под номером 89. Это герб в виде геральдического щита, на котором был изображен «в голубом поле золотой дуб, но с тремя золотыми желудями. На гербе дворянские шлем и корона, на коей выходит подобный дуб. Намет голубой, подложенный золотом».

П. В. Долгоруков в своей «Российской родословной книге», вышедшей в 1857 году, ничего не говорит об истоках этой ветви Дубенских. На оборотной стороне герба лишь отмечено, что «фамилия Дубенских многие престолу служили дворцовые службы в разных чинах и жалованы были от государя в 7165 (1657. — Г. Б.) и другие годы поместьями. Это доказывается справкой Вотчинной коллегии, родословной Дубенских и копией о представлении Пензенского дворянского губернского

Проект герба Дубенских, поданный его потомками в 1788 году

Утвержденный герб Дубенских

собрания». Сиятельный историк, оказывается, был знаком и с их родословной 1788 года и двумя жалованными грамотами их предкам, которые автор этих строк опубликовал впервые. Это герб потомков Афонасия, сына Никифора.

Второй герб, принадлежащий, по мнению П. В. Долгорукова, потомкам Дубенских XVI века, помещен в IX части «Гербовника» под номером 20.

«Герб рода Дубенских.
потомства Никифора
Дубенского»

Это «щит, разделенный горизонтально на две половины. В нижней половине на серебряном поле — дуб. Верхняя половина разделена перпендикулярно на три части. В средней части, в черном поле, золотой крест, в боковых частях, в крайнем поле, две горизонтальные золотые полосы и на них шпага, острием вверх. На гербе дворянский шлем и корона с тремя страусовыми перьями. Намет голубой, слева красный, подложен золотом».

Атрибутика обоих гербов (три ветви, три желудя, три части верхнего щита, три пера) явно свидетельствует о том, что прежде было три, а не две, ветви рода Дубенских. Третья ветвь в Гербовнике отсутствует, так как потомки Андрея Ивановича, отъехавшего в Литву, оказавшиеся с возвращением Смоленщины и Левобережной Украины снова в России по Андрусовскому перемирию 1667 года и Вечному миру с Польшей в 1686 году, не получили прав столбовых дворян, а ними и право на герб.

Литература о А. А. Дубенском

Быконя, Г.Ф. *Андрей Дубенский — основатель Красноярска* / Г.Ф. Быконя. Красноярск, 1998; Второе, исправленное и дополненное издание вышло в 2008. 158 с. + прил. 6 схем и илл.

История Красноярска : Документы и материалы XVII — первой половины XIX века / Сост. и авт. комментариев Г.Ф. Быконя. — 2-е изд., доп. и перераб. — Красноярск : Офсет, 2000.

Тысячная книга и Дворцовая тетрадь 50-х годов XVI в. — Подготовил к печати А.А. Зимин. — М. — Л., 1950.— С. 77, 185.

Скрынников, Р.Г. *Трагедия Новгорода* / Р.Г. Скрынников. — М. : Изд-во имени Сабашикова, 1996. — С. 21–24.

Бернадский, В.Н. *Новгород и Новгородская земля в XV веке* / В.Н. Бернадский. — Л., 1961.

Рабинович, Г.С. *Город соли — Старая Русса в конце XVI — середине XVIII века* / Г.С. Рабинович. — Л. : Изд-во Ленинградского гос. университета, 1973. — С. 7, 68.

Прозвища посадских людей по писцовым книгам русских городов XVI в. : Справочник / Сост. М.Б. Оленева. — Л., 2004–2005.

Рудь, Т.Р. *Житие Юлиании Лазаревской (Повесть об Ульянии Осорьиной)* / Т.Р. Рудь. — СПб., 1997.

Ключевский, В.О. *Добрые люди Древней Руси* / В.О. Ключевский // *Милостливая Праведная Иулиания Муромская (Лазаревская)*. — Муром, 2004.

Лихачев, Д.С. *Человек в литературе Древней Руси* / Д.С. Лихачев. — М., 1970. — С. 104–105.

Миллер, Г.Ф. *История Сибири* / Г.Ф. Миллер. — Т. 1–3. — М. : Вост. лит-ра РАН, 1999.— С. 234–248.

Сто знаменитых красноярцев. — Красноярск, 2008.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Начало рода Дубенских	6
Глава 2. Происхождение Андрея А(О)нуфриевича ...	11
Глава 3. Сибирская служба	26
Глава 4. На закате жизни	35
Литература о А. А. Дубенском	42

Формат 60x90/16. Бумага мелованная. Печать офсетная. Гарнитура GaramondNarrowC.
Объем 4 печ. л. Тираж 26000 экз. Заказ № 0000

Допечатная подготовка издательства «РАСТР».

660075, Красноярск, ул. Маерчака, д. 8, стр. 9. Тел. (391) 291-39-24, 295-45-50.
<http://www.rasterprint.ru>, e-mail: raster@inbox.ru

Отпечатано в ПК «Знак». 660028, Красноярск, ул. Телевизорная, 1, стр. 21.
Тел. (391) 246-09-42. <http://www.znak24.com>